

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-38-46>

Будущее время в пушкинской лирике как предмет школьного анализа

Мстислав Исаакович Шутан

*Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия,
mshutan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>*

Аннотация. Предметом филологического анализа в статье является поэтика художественного времени в лирике А. С. Пушкина. Главное внимание уделяется будущему времени в его связи с настоящим временем. Использован метод литературоведческого анализа художественного текста в процессе подбора дидактического материала к изучаемым произведениям. В центре внимания – лирические стихотворения, изучаемые школьниками в основном в IX классе. Они сгруппированы тематически следующим образом: 1) свобода как желаемый идеал, верность идеалу; 2) гармоничные отношения между людьми; 3) судьба человека и ее этапы; 4) неумолимое движение времени: смерть, смена поколений, бессмертие. В методическую часть статьи входят задания следующих видов: 1) задания, которые связаны с обобщением на основе выявления символических образов и анализа композиции большого комплекса лирических текстов, относящихся к разным тематическим группам; 2) лингвостилистические задания, актуализирующие знания учащихся по лексикологии (анализ эпитетов и старославянизмов), морфологии (употребление частей речи в грамматических формах, обусловленных изменением в содержании лирического текста) и синтаксису (функции союза в сложноподчиненном предложении); 3) задание по развитию речи, основанное на приеме словесного рисования, развивающее творческое мышление девятиклассников, их воображение. Задания и вопросы нацелены на развитие у школьников образного мышления, а также навыков лексического, морфологического, синтаксического анализа текста; навыков выявления художественных функций языковых и речевых особенностей литературного произведения.

Ключевые слова: лирика, будущее и настоящее время, свобода, идеал, гармония, судьба человека, движение времени, обобщение, лингвостилистические задания, развитие речи

Для цитирования: Шутан М. И. Будущее время в пушкинской лирике как предмет школьного анализа // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 38–46. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-38-46>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Future tense in Pushkin's lyrics as a subject for analysis at school

Mstislav I. Shutan

*Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russia,
mshutan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>*

Abstract. The philological analysis in the article centres on the poetics of artistic time in A. S. Pushkin's lyrics. Special attention is given to the future tense in its connection with the present tense. The research relied on the methods of literary text analysis and didactic material selection for the works under examination. The focus is on the lyrical poems schoolchildren study mainly in the ninth year. Thematically, they are grouped as follows: 1) freedom as an ideal strived for, loyalty to the ideal; 2) harmonious interpersonal relationships; 3) human destiny and its stages; 4) the inexorable passage of time: death, generational change, immortality. The methodological part of the article includes tasks of the following types: 1) assignments related to generalisation based on identifying symbolic images and analysing the composition of a large body of lyrical texts belonging to different thematic groups; 2) linguistic-stylistic tasks that update students' knowledge of lexicology (analysis of epithets and Old Church Slavisms), morphology (the use of parts of speech in grammatical forms due to changes in the lyrical text content), and syntax (the functions of a conjunction in a complex sentence); 3) a speech development assignment based on the verbal drawing technique, which enhances year-nine pupils' creative thinking and imagination. Assignments and questions are aimed at developing figurative thinking in schoolchildren, their skills of lexical, morphological, syntactic analysis of text, as well as pupils' skills of identifying the artistic functions of linguistic and speech features of a literary work.

Keywords: lyric poetry, future tense, present tense, freedom, ideal, harmony, human destiny, time passage, generalisation, linguistic-stylistic tasks, speech development

For citation: Shutan M. I. Future tense in Pushkin's lyrics as a subject for analysis at school. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(3):38–46. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-38-46>.

Введение. По мнению лингвиста и переводчика Т. И. Сильман, «основная точка отсчета» при анализе лирического стихотворения — «настоящее время, презенс изложения, из нее излучаются воспоминания о прошлом, мечты о будущем; рядом с презенсом «точки отсчета» «течет» настоящее и рождается итоговое обобщение». План будущего обычно «совпадает с выводом, итогом» [Сильман 1977: 15]. Но необходимо учитывать, что «в лирике внеязыковой момент речи, с которым обычно соотносится употребление времени в высказывании, предельно условен: это не момент говорения, а момент лирического переживания, который определяется интенциями автора» [Николина 2006: 103].

В нашей статье в центре внимания — будущее время. Рассмотрим его в морфологическом ракурсе, ориентируясь на суждения В. В. Виноградова, для которого значимой оказывается оппозиция «будущее—настоящее»: «Описательная форма будущего времени несовершенного вида... обозначает течение действия в плане будущего, отрешенном от настоящего» [Виноградов 1972: 448]; «...форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего. Выражаемое ею действие как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться к настоящему времени <...> Кроме того, форма будущего времени совершенного вида может применяться для обозначения обычного, постоянного результата вне всяких временных ограничений» [Там же: 452–453].

Значение будущего времени может выражаться и глаголами в форме настоящего времени (*Завтра я целый день отдыхаю*). Налицо переносное значение настоящего времени. Но о будущем косвенно сообщает и повелительное наклонение, выражающее побуждение к действию — к тому, что, по мнению субъекта высказывания, должно

свершаться или свершиться: *расскажи, расскажите* (форма 2-го лица), *выйдем на улицу* (форма 1-го лица множественного числа со значением совместности, выражающая желание, требование, намерение или приглашение; к глаголу может добавляться частица *давай*), *пусть успокоится* (глагольная форма 3-го лица, сочетающаяся с частицей); *Выйди из аудитории!* (выражается приказ, жесткое требование).

Итак, значение будущего времени может выражаться непосредственно на лексическом уровне, а также грамматической формами будущего и настоящего времени (в переносном значении) и формой повелительного наклонения.

В литературоведении тема будущего в лирике А. С. Пушкина серьезно рассматривается Э. В. Силиной, которая выделяет в связи с этим следующие три группы произведений поэта: 1) «часть этих лирических размышлений и признаний касается только личного, человеческого и творческого существования, до порога смерти»; 2) стихотворения «о самой смерти, ее неизбежности, о будущем, которое хотел бы он предсказать»; 3) стихотворения «условно-фабульные, где поэт или его герои: странник, Родрик, пророк — вступают в диалог с высшими силами, управляющими человеком» [Силина 1991: 90]. Ю. М. Никишов же на основе стихотворений «Лицинию», «В Сибирь», «Андрей Шенье», романа «Евгений Онегин» и других произведений осмысляет тему пророчества у А. С. Пушкина [Никишов 2015].

Задача исследования — проанализировать в указанном выше тематическом ракурсе лирические стихотворения А. С. Пушкина, входящие в школьную программу и изучаемые в основном в IX классе, и предложить систему вопросов и заданий, которые дополнят традиционную методику изучения пушкинской лирики. При этом смысловые акценты, связанные с темой будущего, должны присутствовать при организации школьного анализа каждого из рассмотренных ниже пушкинских стихотворений.

Анализ. Пушкинские стихотворения, вошедшие в этот раздел, сгруппированы в соответствии с тематическим принципом.

**Свобода как желаемый идеал,
верность идеалу**

«*К Чаадаеву*» (1818). Словосочетания и фразы «...горит еще желание», «нетерпеливою душой», «Мы ждем с томленьем упования // Минуты вольности святой, // Как ждет любовник молодой // Минуты верного свиданья» свидетельствуют о стремлении как можно быстрее приблизить желаемое будущее, сделать его настоящим. При этом автор соотносит устремления, имеющие общественную значимость, с частной жизнью человека: ожидание вольности отождествляется с нетерпеливым ожиданием свиданья. Для эпохи написания стихотворения это, несомненно, смелый ассоциативный ход.

Для достижения благородной цели необходимы некие усилия, поэтому автор употребляет глагол 1-го лица множественного числа в функции повелительного наклонения со значением совместности («Мой друг, отчизне *посвятим* // Души прекрасные порывы»). Далее употребляется глагол в форме повелительного наклонения *верь* и при помощи глаголов совершенного вида в форме будущего времени раскрывается картина светлого будущего: «Товарищ, *верь: взойдет* она, // Звезда пленительного счастья, // Россия *вспрянет* ото сна, // И на обломках самовластья // *Напишут* наши имена!» Итак, в исторической перспективе рабство падет (его символом является сон) — и наступит свобода (ее символом выступает образ звезды, характерный для декабристской поэзии). В конце произведения звучит мысль и о том, что о людях, приближающих новый, желаемый этап в жизни отчизны, сохранится добрая память. Обращение, обособленное согласованное распространенное приложение в позиции после личного местоимения, занимающее отдельную строку, возвышенная лексика (к ней следует отнести и такие слова, как *взойдет, вспрянет*), восклицательная интонация делают речь торжественной, ораторской.

Иначе говоря, в этом стихотворении будущее как бы вырастает из настоящего.

«*Деревня*» (1819). После создания жестокой картины крепостничества

лирический герой моделирует желаемое будущее, признаки которого — вольный народ, падшее «по манию» царя рабство и, наконец, прекрасная Заря, символизирующая просвещенную Свободу. Глаголы в будущем времени с вопросительной частицей (*увиджу ль, взойдет ли*) передают психологическое состояние человека, который не может смириться с торжеством рабства и мечтает о торжестве социальной гармонии. Но вопросительный знак на конце стихотворения свидетельствует о неуверенности лирического героя в светлом будущем.

«*К морю*» (1824). В заключительных двух строках романтической элегии лирический герой в метафорической форме обещает морю сохранить в своей душе свободолюбивые устремления, адресуясь к картинам памяти, о чем свидетельствует развернутая детализация в последних двух строках стихотворения: «*Не забуду* твоей торжественной красоты»; «И долго, долго *слышать буду* // Твой гул в вечерние часы»; «В леса, в пустыни молчаливы // *Перенесу*, тобою полн, // Твои скалы, твои заливы, // И блеск, и тень, и говор волн». Речь здесь идет, конечно, о внутренней жизни лирического героя. Характеризуя будущее, автор использует как глаголы совершенного, так и несовершенного вида.

«*Во глубине сибирских руд...*» (1827). Тема светлого будущего охватывает почти все композиционное поле стихотворения. Причем эта тема раскрывается как в психологическом ракурсе (речь идет о надежде, способной пробудить «бодрость и веселье»), так и в ракурсе социально-политическом, в том числе и историческом: лирический герой верит в то, что до декабристов дойдут «любовь и дружество», верит в неизбежное их освобождение и в значимость их героического поступка. Глаголы совершенного вида в форме будущего времени (*не пропадет, разбудит, придет, дойдут, падут, рухнут, примет, отдадут*) передают оптимистический настрой поэта.

Гармоничные отношения между людьми

«*Зимнее утро*» (1829). Композицию стихотворения определяет контраст предыдущего вяющего мутного дня и утренней поры с блестящим на солнце снегом, зеленеющей елью, искрящейся подо льдом речкой. Само это произведение представляет собой обращение к «другу милому».

И в заключительной кульминационной строфе побуждение красавицы к совместному активному действию передается при помощи глаголов со значением совместного действия — одного из вариантов образования повелительного наклонения: «*предадимся* бегу // Нетерпеливого коня // И *навестим* поля пустые, // Леса, недавно столь густые, // И берег, милый для меня».

Судьба человека и ее этапы

«*Погасло дневное светило...*» (1820). Лейтмотив «Шуми, шуми, послушное ветрило, // Волнуйся подо мной, угрюмый океан» употребляется в начале, середине и конце романтической элегии и передает стремление лирического героя к новым жизненным пространствам. Знаком же прошлого с его неизлечимыми глубокими ранами любви выступают «берега печальные туманной родины». Создается ощущение, что герой как бы подстегивает и корабль, и морскую стихию, которые должны как можно быстрее приблизить его к желаемой цели. Глаголы в повелительном наклонении (*шуми, волнуйся, лети*) точно передают этот душевный порыв, отличающийся устойчивостью.

Перед нами психологический жест, встречающийся нередко в поэзии и передающий желание определенного действия, которое способно что-либо изменить в окружающей действительности или во внутреннем мире лирического «я». При этом обычно используются риторические обращения (чаще как прием олицетворения) и глаголы в повелительном наклонении, что мы и видим в пушкинской элегии, в которой «внутреннее действие лирического субъекта получает здесь своеобразную опору во внешнем предметном плане» [Грехнёв 1994: 134].

«*Желание славы*» (1825). Лирический герой, которому изменила возлюбленная, жалеет собственной славы, так как в этом случае ее слух его именем будет поражен всечасно и она будет помнить «последние моления» лирического героя. Содержание следующего этапа жизни лирического героя сводится к торжеству его эгоистического чувства, ибо речь идет о мести возлюбленной. Отметим, что, характеризуя желаемое будущее, автор использует глаголы, стоящие в прошедшем времени: «твой слух *был поражен* всечасно», «ты мною *окружена была*», «всё, всё вокруг тебя *звучало* обо

мне», «ты *помнила* мои последние моления». Причем картина будущего создается автором в рамках четырех однородных придаточных цели с повторяющимся союзом *чтобы*, а это способствует передаче душевного потрясения лирического героя, выражающегося в усиленной экспрессивности его речи. Само же грамматическое значение цели непосредственно соприкасается с планом будущего.

«*Пророк*» (1826). В финальной части этого стихотворения: «*Восстань*, пророк, и *виждь*, и *внемли*, // *Исполнись* волею моей, // И, обходя моря и земли, // *Глаголом жги* сердца людей» — концентрация глаголов, стоящих в форме повелительного наклонения, передает завет высшей силы, обращенный к пророку, т. е. к поэту: быть верным своему предназначению, оказывать нравственное воздействие на людей даже через их боль, страдание. Причем эта функция творческой личности пространственно не ограничена. Результат преобразования обычного человека, томимого духовной жаждой, в поэта-пророка — новый этап судьбы личности. Но для преобразования необходим еще один шаг.

«*Элегия*» (1830). Вторая строфа стихотворения резко противопоставляется первой: уныние, пессимизм сменяются желанием жить, т. е. «мыслить и страдать». Активное употребление глаголов в форме будущего времени («*будут* наслаждения», «гармонией *упьюсь*», «Над вымыслом слезами *обольюсь*», «*Блещет* любовь улыбкою прощальной») на фоне их отсутствия в первой строфе (за исключением глагола в настоящем времени *сулит*; нулевые связи не учитываются) свидетельствует о психологическом переломе, знаком которого выступает уже первая строка с противительным союзом и обращением: «Но не хочу, о други, умирать...»

Особого внимания требует архаизм *ведать*, который, по мнению В. А. Грехнёва, насыщен особой волевой энергией. «*Ведать* — не то же самое, что “знать”, “надеяться”, “предполагать”. *Ведать* — значит обладать особой, волшебной силой предвидения, чудесным даром разгадывать хитросплетения судьбы. Внутренняя форма этого слова таит в себе оттенок духовной активности. Он выявлен и усилен стиховым окружением. Торжество воли и мысли,

мощный порыв духовной энергии, запечатленный в словесно-интонационной системе второй части, — это и есть та “высота”, с которой теперь обзревается “грядущего волнующее море”» [Грехнёв 1994: 251–252].

«**Осень**» (1833). Двенадцатая строфа состоит из строки «Плывет. Куда ж нам плыть?» и многоточий. Какой же смысл выражает инфинитив? По мнению В. А. Грехнёва, «неизбывной лирической тревогой насыщен пушкинский финал, ибо дума об искусстве перерастает здесь в думу о судьбе, о стесняющих преградах ее, о потребности в жизненном просторе, необходимом для творчества <...> Обращенность пушкинского вопроса к судьбе отнюдь не иллюзия: тревога, заключенная в нем, навевается контекстом пушкинской биографии, теми, например, лихорадочными попытками вырваться на простор свободного странствия, которые предпринимал Пушкин в конце двадцатых — начале тридцатых годов и которые были пресечены высочайшим запретом» [Там же: 436]. По мнению же М. Л. Гаспарова, «путь вдохновения из осенней России в большой мир намечен и оставлен воображению читателя» [Гаспаров 2015: 39].

**Неумолимое движение времени:
смерть, смена поколений, бессмертие**

«**19 октября**» (1825). Особого внимания требует последняя строфа, в которой моделируется трагическая ситуация празднования лицейской годовщины последним из оставшихся в живых выпускников этого учебного заведения. Он назван «несчастливым другом», чужим среди новых поколений. «Он вспомнит нас и дни соединений, // Закрыв глаза дрожащею рукой...» И ему поэт желает провести этот день так же, как он «его провел без горя и забот». В этой строфе автор употребляет глаголы в форме будущего времени *вспомнит* и в форме повелительного наклонения (частица *пускай* + глагол в 3-м лице единственного числа). Глагол же в прошедшем времени *провел* подводит итог этого дня.

«**Брожу ли я вдоль улиц шумных...**» (1829). В этом стихотворении взгляд в будущее — это попытка угадать время и место собственной смерти. Причем тема будущего выражается разными языковыми средствами: лексическими («Я предаюсь моим мечтам»; «Тебе я место уступаю»;

«Грядущей смерти годовщину // Меж их стараясь угадать», «Но ближе к милому пределу // Мне всё б хотелось почивать») и морфологическими, т. е. при помощи глаголов в форме будущего времени, относящихся к совершенному виду («*промчатся* годы»; «*Сойдем* под вечны своды»; «*Переживет* мой век забытый»; «И где мне смерть *пошлет* судьбина?»; «Или соседняя долина // Мой *примет* охладелый прах») и к виду несовершенному («И пусть у гробового входа // Младая *будет* жизнь *играть*, // И равнодушная природа // Красую *вечно сиять*»). Причем в последней строфе стихотворения будущее означает вечность.

«**Вновь я посетил...**» (1835). В конце стихотворения показывается разросшаяся младая рощица — и лирический герой обращается к ней: «Здравствуй, племя // Младое, незнакомое! Не я // *Увижу* твой могучий поздний возраст...» И далее тема будущего получает развитие, так как показывается влияние природы на человека через немалое количество лет: «Но пусть мой внук // *Услышит* ваш приветный шум, когда, // С приятельской беседы возвращаясь, // Веселых и приятных мыслей полон, // *Пройдет* он мимо вас во мраке ночи // И обо мне *вспомнет*». Как утверждал Н. Л. Степанов: «Пушкин видит бессмертие в вечной смене материи, в развитии жизни, неизменно меняющейся и прекрасной в каждом своем проявлении» [Степанов 1974: 360]. Глаголы совершенного вида в форме будущего времени и в форме повелительного наклонения способствуют передаче философского содержания стихотворения.

«**Я памятник себе воздвиг нерукотворный...**» (1836). Слава поэта отнесена в будущее: «К нему *не зарастет* народная тропа»; «Нет, весь я *не умру* — душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит»; «И *славен буду* я, доколь в подлунном мире // Жив будет хоть один пиит»; «Слух обо мне *пройдет* по всей Руси великой, // И *назовет* меня всяк сущий в ней язык...»; «И долго *буду* тем *любезен* я народу, // Что чувства добрые я лирой пробуждал...» Но, как отмечает О. Проскурин, она не будет вечной: «У нее есть граница в историческом времени: “дольше в подлунном мире жив будет хоть один пиит”» [Проскурин 1999: 299]. «“Певец” оказывается сакральным вне всякой связи с сакрализованной

государственной властью, с “царством” — и в этом смысле противопоставлен истории государства и государственной власти. Длительность его славы оказывается приравнена не к существованию “империи”, а к существованию самой поэзии» [Там же: 298].

В стихотворениях А. С. Пушкина, рассмотренных выше, значение будущего времени выражается на лексическом уровне, но преобладают формы будущего времени и повелительного наклонения.

Предложим задания разных типов.

I. Обобщающие задания, нацеливающие школьников на постижение содержания изучаемых лирических произведений.

1. Какие образы включает поэт в характеристику будущего? Прокомментируйте их.

Перечислим образы, большая часть которых названа в предыдущей части статьи: 1) «звезда пленительного счастья», Заря «Свободы просвещенной», гуляющий по просторам ветер, море, падшие окопы и рухнувшие темницы (символика свободы); 2) ветрило, океан, глагол, корабль (знаки изменений в судьбе лирического героя); 3) младенец, «младая жизнь», «младая рощица», которую ожидает «могучий поздний возраст», поэтическое творчество-памятник и Александрийский столп (неизбежность смерти, смена поколений, бессмертие).

2. Перечислите произведения А. С. Пушкина, в которых тема будущего представлена в заключительной части? Какова особенность их построения?

К стихотворениям этой группы относятся «Деревня», «К морю», «Желание славы», «19 октября» (1825), «Пророк», «Зимнее утро», «Осень», «Вновь я посетил...».

В этих лирических произведениях основное внимание уделяется настоящему. Что же оно собой представляет в лирике А. С. Пушкина? Это картина крепостного права, резко противопоставленная впечатляющим видам природы, которые вызывают ассоциации с элегической поэзией; ситуация общения лирического героя с морем, в которую органично входит и частная биография личности, и история со знаковыми фигурами Наполеона и Байрона; психологическое состояние человека, потрясенного изменой возлюбленной, причем дисгармоничное настоящее соотносится в произведении с идиллическим прошлым; день

празднования лицейской годовщины, подаваемый в психологическом ракурсе; картина зимнего утра, наполненная светом и вызывающая радостное настроение; этапы поэтического творчества. В прошлом же предстают преобразование обычного человека в поэта-пророка и возвращение в Михайловское.

Все эти жизненные картины подготавливают обращение поэта к будущему, которое им воспринимается как желаемая цель, имеющая общественное и частное, биографическое содержание; верность свободолобивым романтическим идеалам и высшему предназначению поэта-пророка; месть возлюбленной. Встречается и моделирование контрастных жизненных ситуаций, свидетельствующих о неумолимом движении времени.

II. Лингвостилистические задания.

1. Какие эпитеты в заключительной строфе стихотворения «19 октября» (1825) помогают поэту передать чувства, настроение лирического героя? Обоснуйте свое мнение.

Эпитеты, при помощи которых характеризуется последний лицеист, отмечающий день 19 октября, следующие: *несчастный, лишний, чужой*. Они подчеркивают неумолимое движение времени, то, что он чужд современной ему действительности, «новым поколениям», ведь он из другой исторической эпохи. Он может быть назван несчастным, так как обречен на одиночество, на непонимание. Особого внимания требует эпитет *докуный*, одно из значений которого ‘вызывающий тоску, печаль’.

Значимым представляется и деэпричастный оборот с эпитетом «Он вспомнит нас и дни соединений, // *Закрыв глаза дрожащею рукой*». Эпитет *дрожащею*, обозначающий одновременно и художественную деталь, подчеркивает всю силу переживаний человека, вспоминающего «дни соединений», дни душевной и интеллектуальной близости, общих душевных порывов и жизненных целей — всего того, чего уже не вернуть. Хотя в то же время для человека это и отрада, названная *печальной*. Она и объединяет лирического героя стихотворения с «несчастливым другом».

Как мы видим, при помощи охарактеризованных выше эпитетов создается вполне определенная ситуация, главные признаки которой — печаль, тоска, ощущение

безысходности (ведь нельзя жить только прошлым!), элегическое настроение.

2. Обоснуйте включение в текст «Пророка» старославянизма *виждь*.

Прежде всего девятиклассники, используя ресурсы Интернета, определяют лексическое значение этого слова: 'видеть', 'смотреть'. Далее возможны два направления размышлений школьников.

Первое направление можно назвать грамматическим: у глагола *видеть* отсутствует форма повелительного наклонения (нельзя сказать «видь», «видьте»), поэтому автор использовал старославянизм, допускающий эту форму.

Второе направление назовем стилистическим: для Пушкина важно, что это именно старославянизм, так как он делает речь возвышенной, торжественной, тем более рядом стоит другое устаревшее слово *внемли* ('внимательно слушай'), а в совокупности эти глаголы образуют конструкцию с однородными сказуемыми; но нельзя забывать и о другой устаревшей лексике, охватывающей композиционное поле всего произведения: *персты, зеницы, отверзлись, горний, уста, десница, водвинул*. Конечно, это направление размышлений будет приоритетным.

3. В чем заключается необычность предложений с союзом *ли* в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»? Чем вы объясните систематический повтор этого союза?

Как известно, союз *ли* употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключающих или заменяющих друг друга, для указания на необходимость выбора между ними. Посмотрим, в каких синтаксических конструкциях этот союз употребляется в пушкинском стихотворении: 1) «Брожу ли я вдоль улиц шумных, // Вхожу ль во многолюдный храм, // Сижу ль меж юношей безумных, // Я предаюсь моим мечтам»; 2) «Гляжу ль на дуб уединенный, // Я мыслю...»; 3) «Младенца ль милого ласкаю, // Уже я думаю...». Перед нами сложноподчиненные предложения (а первое из них с однородным подчинением) с придаточным времени и главной частью, которую мы выделили курсивом (вместо союза *ли* возможна замена союза *когда*: *Когда гляжу на дуб уединенный, я мыслю*).

Повтор подчеркивает следующее: в самых различных местах и жизненных ситуациях (ограничений здесь нет) лирический герой думает о будущем, думает о смерти. Характеризуемые точки в пространстве и ситуации не исключают или заменяют, а дополняют друг друга, способствуя созданию многоплановой картины бытия, детали которой — шумные улицы и многолюдный храм (контрастные пространственные сферы), «патриарх лесов» и «милый младенец», «безумные юноши» (старость и молодость).

4. Докажите на примере лексики и грамматики справедливость следующего высказывания литературоведа В. А. Грехнёва: «В композиции первой части “Элегии” лирический субъект нигде не выступает прямым носителем действия. Он лишь носитель состояния, лицо страдательное... Иной “рисунок” слова во второй части. Лирический субъект теперь несет в себе ярко выраженное начало волеизъявления...» [Грехнёв 1994: 251].

Действительно, в первой части стихотворения встречаются прилагательные в краткой форме с косвенным дополнением в дательном падеже («веселье мне *тяжело*»), в простой форме сравнительной степени («печаль... чем *старе*, тем *сильней*»), передающие тяжелое душевное состояние лирического героя, обреченного на пассивность. Поэтому не удивляет, что в первой строфе отсутствуют предложения, в которых в качестве субъекта действия выступал бы сам лирический герой. Во второй же части преобладают глаголы, стоящие в форме 1-го лица (*не хочу, жить хочу, ведаю, упьюсь, обольюсь*), и употребляется местоимение 1-го лица (*Я жить хочу*), что свидетельствует о преодолении человеком состояния энтропии и готовности познать разные стороны, грани жизни, даже бытия: мыслить и одновременно страдать, упиться гармонией, облиться слезами над вымыслом, полюбить. Это задание позволяет показать ученикам, как изменение в психологическом состоянии лирического героя влияет на его языковую и речевую структуру.

III. Задания по развитию связной речи.

Например, при повторном обращении в IX классе к стихотворению «Зимнее утро» школьники, используя словесное рисование [Мосунова 2024], опишут те картины,

которые создает автор, характеризуя прошлое, настоящее и желаемое будущее.

При обсуждении с учениками изобразительной концепции воображаемого триптиха на первый план выходит проблема, требующая немедленного разрешения: как показывать панорамные картины прошлого? Если эти картины должны быть видны в окне, то при большом масштабе само изображение будет совсем маленьким, что отрицательно повлияет на его выразительность. Видимо, следует отказаться от окна — и тогда герой (героиня) произведения (лирический герой, «друг милый») окажется сбоку на переднем плане, т. е. войдет в пространство авансцены, выражаясь театральным языком, а сама панорама станет фоном, который займет большую часть рисунка. В этом случае принципиально и то, что отсутствует стена, отделяющая героя (героиню) и его (ее) дом от мира природы.

Первая мысленная картина, созданная учащимися, посвящена тому, что было накануне вечером. На переднем плане сбоку в кресле сидит женщина (школьницы по-разному описывают ее внешность). Она смотрит в сторону камина, наблюдая за игрой огненных язычков. Она о чем-то задумалась, у нее грустное настроение. Фон составляет громадное мутное небо, на котором желтеет луна, напоминающая бледное пятно. Кажется, что это пятно пробивается сквозь мчащуюся мглу. Бешено дует ветер, разнося по всему земному простору снежные хлопья. Снег так крутится, вьется, что напоминает несущуюся по белому свету воронку, в которую попадает все встречающееся ей на пути. Природа настолько страшна, зла, что, кажется, она со всей своей неумной энергией вот-вот ворвется в дом, разрушит милый семейный очаг. Но почему грустна женщина? Может быть, злая вьюга, мрачные тучи, бледное пятно луны пробудили в ней воспоминания, от которых ей тяжело? Может быть, сама природа, жестокая и непредсказуемая, напомнила ей о своей страшной сущности?

Вторая словесная картина представляет настоящее: показана комната, детали интерьера которой составляют затопленная печь и лежанка. Все это небольшое пространство озарено солнечным светом, напоминающим янтарный блеск. У героя романтическое настроение (его признаками

можно назвать и некоторые детали портрета, подобранные школьниками самостоятельно: растрепанные волосы и расстегнутый ворот белоснежной рубашки). По взгляду, устремленному вдаль, догадываемся, что он очарован тем, что созерцает. Но в его взоре ощущается и некая задумчивость, мешающая полному слиянию с природой. Это тонкая, впечатлительная натура, открытая импульсам окружающего мира, но неспособная полностью слиться с ним, ибо не может отрешиться от собственного «я». Перед этим человеком разворачивается великолепная панорамная картина: под голубым небом, кажущимся беспредельным и девственно чистым, блестят снежные ковры; на заднем плане слева виднеется чернеющий прозрачный лес, в котором встречаются ели, зеленеющие сквозь иней, а справа — речка с узкими берегами, скованная льдом; и речной лед, и снег переливаются на солнце всеми цветами радуги.

На третьей воображаемой картине — желаемое ближайшее будущее. Мы видим нетерпеливого коня, вытянувшего морду, тяжело дышащего и в то же время нацеленного на бесконечное движение вперед, только вперед. Конь несет большие сани, в которых сидит лирический герой и «красавица», «друг милый». Они не беседуют друг с другом, потому что увлечены картиной заснеженных полей, «недавно столь густого» зимнего леса, освещенного солнцем. Они смотрят вперед, и на лице каждого можно заметить улыбку, передающую ощущения счастья, которое вызвано и восприятием природы, и тем, что они, близкие друг другу люди, наконец рядом и их охватывает общий душевный порыв.

Выводы. Внимание к будущему времени способствует более глубокому постижению авторской позиции поэта, атмосферы, создаваемой им в произведении, делает более точным представление о художественной структуре, в которой обнаруживается сочетание и взаимодействие различных временных планов, прежде всего планов настоящего и будущего.

Практические задания, охарактеризованные в статье, формируют навыки школьников, прежде всего связанные с обобщением на основе выявления символических образов и анализа композиции большого комплекса лирических текстов, относящихся

к разным тематическим группам. Полезными следует назвать и лингвостилистические задания, актуализирующие лексические (анализ эпитетов и старославянизма), морфологические (употребление частей речи в грамматических формах, обусловленных изменением в содержании лирического текста) и синтаксические (функции союза в сложноподчиненном предложении) знания и умения учащихся. Задание же по развитию речи, основанное на приеме словесного рисования, развивает творческое мышление девятиклассников, их воображение.

Задания и вопросы нацелены на развитие у школьников образного мышления, а также навыков лексического, морфологического, синтаксического анализа текста; навыков выявления художественных функций языковых и речевых особенностей литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
2. Гаспаров М. Л. Ясные стихи и «темные» стихи. М.: Фортуна ЭЛ, 2015. 413 с.
3. Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. 467 с.
4. Мосунова Л. А. Словесное рисование как способ преодоления фрагментарности восприятия // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-7-15>.
5. Никишов Ю. М. О пророчествах А. С. Пушкина // Вестник тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 75–80.
6. Николina Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика: в 2 т.; Е. В. Красильникова (отв. редактор), И. И. Ковтунова, Н. А. Николina. Т. 1. М.: Азбуковник. М., 2006. 429 с.
7. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент

8. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.

9. Слинина Э. В. Мысль о будущем и императивная форма речи в лирике Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 88–100.

10. Степанов Н. Л. Лирика Пушкина: очерки и этюды. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1974. 368 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Russian language: grammatical doctrine of the word. 2nd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1972. 614 p. (In Russ.)
2. Gasparov M. L. Clear poems and «dark» poems. Moscow: Fortuna EL, 2015. 413 p. (In Russ.)
3. Grekhnev V. A. The world of Pushkin's lyrics. Nizhny Novgorod, 1994. 467 p. (In Russ.)
4. Mosunova L. A. Verbal painting as a way of overcoming fragmentary perception. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(1):7–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-7-15>.
5. Nikishov Yu. M. On A. S. Pushkin's prophecies. *Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2015;1:75–80. (In Russ.)
6. Nikolina N. A. The verb tense category. *Poeticheskaya grammatika: v 2 t. T. 1. E. V. Krasil'nikova (otv. redaktor) = Poetic Grammar: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by E. V. Krasilnikova*. Moscow: Azbukovnik, 2006. 429 p. (In Russ.)
7. Proskurin O. A. Pushkin's poetry, or the Movable palimpsest. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 462 p. (In Russ.)
8. Sil'man T. I. Notes on lyrics. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1977. 223 p. (In Russ.)
9. Slinina E. V. The thought of the future and the imperative form of speech in Pushkin's lyrics. *Problemy sovremennogo pushkinovedeniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov = Problems of modern Pushkin studies: a collection of scientific works*. Pskov, 1991. P. 88–100. (In Russ.)
10. Stepanov N. L. Pushkins lyrics: essays and etudes. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974. 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.12.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 17.12.2023; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.